СЕМИОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ Е. ЕВТУШЕНКО «МАМА И НЕЙТРОННАЯ БОМБА»

Культурологические заметки

Inna KALITA [1]

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу отдельных символов эпохи, представленных в поэме Е. Евтушенко «Мама и нейтронная бомба» (1982 г.). Творческие подходы и их авторская реализация рассматриваются в общем русле традиций шестидесятничества, ярким представителем которого является автор. Многоплановость поэмы и специфика средств выражения позволяют сравнивать данную поэму с симфонией. Семиотический подход дает возможность анализировать представленные в поэме символы с точки зрения их связи с эпохой и реализацией авторского «Я», а также подчеркнуть общее и особенное в различных ракурсах восприятия (1) время написания – XX век : время прочтения XX век и (2) время написания – XX век : время прочтения XXI век.

Ключевые слова: Е. Евтушенко, шестидесятники, симфония, семиотика, символ, нейтронная бомба, газета.

Kalita, Inna. "Semioticheskie Motivy v Pojeme E. Evtushenko «Mama i Nejtronnaja Bomba» Kulturologicheskie Zametki". *idil* 3.12 (2014): 119-144.

Kalita, I. (2014). Semioticheskie Motivy v Pojeme E. Evtushenko «Mama i Nejtronnaja Bomba» Kulturologicheskie Zametki. *idil*, 3 (12), s.119-144.

[1] Ph.D., University of Jan Evangelista Purkyne, Department of Bohemistic Studies, Pasteurova, Czech Republic. inna.kalita(at)ujep.cz

SEMIOTIC MOTIVES IN Y. YEVTUSHENKO'S POEM "MUM AND THE NEUTRON BOMB"

Culturological Notes

ABSTRACT

The article presents the analysis of some epochal symbols introduced in Y. Yevtushenko's poem "Mum and the Neutron Bomb" (1982). Creative approaches and their realization made by the author are shown regarding the common course of the 60's traditions which the author was outstandingly following. The variety of perspectives and the specifics of expression means allow to compare the poem with a symphony. Semiotic approach enables the analysis of symbols introduced considering the epochal connections and the author's creative self-realization, it also helps to stress the common and the particular from the different perception aspects (1) creation time – the 20th century: reading time the 20th century and (2) creation time – the 20th century: reading time the 21st century.

Keywords: Y. Yevtushenko, "sixties", symphony, semiotics, symbol, Neutron Bomb, newspaper.

Существуют разнообразные возможности объяснения
Исторических событий, и, соответственно, одни и те же
События могут получать различную интерпретацию—
в частности, государственно-политическую,
социально-экономическую, культурно-семиотическую и др.
За каждым из этих объяснений стоит, очевидно,
Определенная модель исторического процесса,
т.е. некоторое представление о его сущности.
Б. А. Успенский

Введение

Новый век приносит в литературу новые имена и предлагает новые ценности, на фоне коммуникативных возможностей, предоставляемых интернетом, тускнеют очень важные для человека прошлого века сердечные взаимоотношения, основанные на искреннем интересе друг к другу. Интернет диктует «обобществление» личной информации (фэйсбук, одноклассники и др. социальные сети), унификацию отношений, вместе с тем – отстраненность от чужих проблем. Комплекс коммуникативно-потребительских инноваций нашего времени, определяющих отношение к жизни, Дж. Ритцер определяет понятием «макдональдизация общества». На этом фоне «безвременья», стирающихся старых, но еще не сформировавшихся новых ценностей, весьма интересно звучат мотивы творчества русских шестидесятников. Это поколение всколыхнуло советское идеологическое «болото» и предложило примеры иной этической и эстетической оценки советского, это поколение, которое в советское время как бы не успело завершить что-то важное, а после распада СССР большинство из его представителей оказалось в «*культурном одиночестве*»[2]. Текущая смена эстетической парадигмы предлагает «последним из могикан» – оставшимся в живых шестидесятникам исполнить в XXI веке ту же роль, которую они в свое время уже сыграли – роль связующего звена между отдельными этапами культурной парадигмы.

Цель данной статьи – рассмотреть «знаковое» произведение Е. Евтушенко «Мама и нейтронная бомба». Выбор автора обусловлен фактом, что его оценка критикой и читателем отражает обобщенный взгляд на

[2] С. Рассадин использовал этот термин в отношении к Е. Евтушенко.

шестидесятничество в целом, проявляющееся в крайне полярных оценках. Поэму «Мама и нейтронная бомба» можно назвать семиотической копилкой, запечатленные в ней символы остаются весомыми и в том случае, если со временем они подвергаются пересмотру и переоценке.

1. Задачи и методология анализа

Поэма «Мама и нейтронная бомба» была написана Е. Евтушенко в 1982 году. Особый интерес она представляет с точки зрения внедренности символики в историческую действительность, а также с точки зрения авторского композиционного решения жанра поэмы.

В задачи данной статьи входит:

рассмотреть отдельные символы, представленные в поэме, в ракурсе восприятия разных эпох (время написания – XX век : время прочтения XX и XXI век);

представить специфические особенности жанра поэмы «Мама и нейтронная бомба».

По словам Б. Успенского, произведения искусства необходимо рассматривать как предметы дешифровки, стремясь к выявлению особого языка художественных приемов (Успенский 1995:222). План выражения и план содержания любого произведения искусства предлагает многозначные символы, взаимосвязанные между собой. План содержания одного и того же произведения будет разным в восприятии его создателя и читателя. Писатель внедряет в произведение релевантное для него в данный момент, связанное с определенной идеей и возможностью ее воплощения. В восприятии произведения читателем значительную роль играют такие показатели, как время (эпоха), возраст, степень эстетической подготовленности к восприятию художественного произведения и искусства в целом. Эти соотношения Б. Успенский называет *различной степенью условности* или *разной степенью семиотичности*. Читатель, отстоящий от времени создания произведения на несколько десятилетий или столетий, не всегда способен установить границу между самостоятельными знаками и факультативными. Для читателя и писателя, разделенных каким-либо отрезком времени, одни и те же символы несут различную семиотическую нагрузку. Семиотический подход позволяет объединить теоретический и эмпирический взгляд на представленный текст.

> Семиология и любая эстетика семиологического толка всегда в состоянии сказать, чем может стать

> произведение, но никогда, чем оно стало. То, чем стало произведение, лучше всего может сказать критика как рассказ об опыте индивидуального прочтения <...> произведение искусства интересует семиологию только как сообщение-источник и, стало быть, как код-идиолект, как исходный пункт для ряда возможных интерпретирующих выборов: произведение как индивидуальный опыт умопостигаемо, но не исчисляемо <...> (Эко, 1998: 53).

Семиотика, как наука, в основе которой лежит синтез знаний нескольких дисциплин, дает возможность рассматривать план содержания, предоставляемого автором (как представителем своей эпохи, в нашем случае и с точки зрения эстетики шестидесятников), а также сопоставлять его с фоном изменившейся реальности, которую тот же автор, находясь уже в другом времени –„сегодня“, называет *духовной макдональдизацией культуры*. Понятие *культура* всегда тесно связано с *эстетикой*, понятием субъективным. Поэтому анализ произведения, как «*эстетической информации*», используя высказывание У. Эко и делая поправку на то, что каждая эпоха создает свой эстетический стиль, часто отражающий и ее политические «наклонности», можно воспринимать *как ряд возможных интерпретаций*.

2. Е. Евтушенко в ракурсе эпохи шестидесятников

Шестидесятники – опальный феноменушедшего века. Оценка их деятельности весьма неоднозначна (Аксенов 2009, Афанасьев 2011, Новодворская 2012, Прищепа 1996, Радзиховский 2006), спорно и сложно само определение – кого относить к шестидесятникам (Воронков 2005, Калита 2013). Несмотря на то, что это поколение уже уходит со сцены жизни, о нем написано много эмоциональных статей, чаще научно-популярных, но до сих пор не написано серьезных исследовательских работ. Первой ласточкой можно назвать монографию В. П. Прищепы «*Российского Отечества поэт (Е. А. Евтушенко: 1965-1995 гг.)*», вышедшую в 1996 г. Автор делает попытку представить шестидесятничество как историко-литературное понятие, а также констатирует факт, что за последние 35 лет практически каждый литератор внес свою лепту в «разноголосье» критического разбора шестидесятничества, но преумноженные полярные оценки, суждения о мировоззренческой недальновидности и эстетической ущербности шестидесятников, констатация их промахов и достижений мало что прояснили в этом движении. Подтверждением тому служит и высказывание С. Рассадина, что *«шестидесятников – не было. По крайней мере в поколенческом смысле»*

(Рассадин: 2000, I), при том, что сам С. Рассадин позиционирует себя как автора термина *шестидесятники*. В этом контексте следует подчеркнуть, что термин этот не нов.

> Сравнивая развитие русской культурной мысли второй половины XIX и второй половины XX века, прослеживаем общие тенденции и элементы цикличности (вплоть до идентичных названий) во взглядах представителей разных эпох. Русская культура XIX века противопоставляет поколение *шестидесятников* поколению 80-х и 90-х годов (Амфитеатров, 1903, Сабурова, 2012), та же тенденция прослеживается в XX веке <...>. (Калита: 2013, 6-7)

В. Новодворская называет *классическим шестидесятник*ом Е. Евтушенко (Новодворская 2012:I).

Шестидесятники, или как их называли иначе – *эстрадники, громкие поэты, поэты «новой волны», «дети XX съезда»,* по выражению В. Попова – *«прогульщики социализма»* – неординарное творческое движение в русском искусстве XX века: « <...> *многих подкупали в них не только молодой задор, крик, эпатаж, задиристость, но и некая глобальность, «бесстрашие» в выборе тем, прикасавшихся к острым проблемам жизни страны и мировой политики*» (Хатюшин: 1990, I).

Шестидесятников нельзя назвать ни субкультурой, ни единым целостным направлением, во-первых, потому, что шестидесятничество как амальгама – общая идея неприятия советской действительности объединяло писателей, художников, архитекторов – людей, работающих в различных творческих областях. Во-вторых, при общей идее неприятия, шестидесятники-писатели неоднородны по своим взглядам (Бродский: «*Если Евтушенко против колхозов, то я – за*»).

Евгений Евтушенко (1932 г. р.) – один из ярких и неутомимых представителей этого поколения. Его, наряду с Р. Рождественским и А. Вознесенским, в 60-е годы называли основателем «новой поэзии» XX века, уже в 70-е о Евтушенко говорили как о «Большом поэте». С этим понятием связывали особую социальную роль, это не только известность, но и *«“гражданственность“ – острые отклики на все значительное в текущей истории, которые становятся крупными событиями не только литературной, но и общественной жизни»* (Золотоносов: 2006, I).

> «Уж он-то точно редкий, невиданный мичуринский вариант социалиста с человеческим лицом, хотя ничего толком ни про капитализм, ни про социализм Евгений Александрович не понял, даже проживая в США. Он искренне считает, что в Швеции и Норвегии – социализм. Но живет почему-то в Штатах, и это было бы ханжеством и чистой демагогией, не будь он поэтом».(Новодворская: 2012, I).

Отношение критики и читателей к Е. Евтушенко отражено в широкой эмоциональной шкале – от восхищения до полного уничижения.

3. Семиотические знаки в поэме «Мама и нейтронная бомба»

3.1 История поэмы: создание и восприятие

Поэма «Мама и нейтронная бомба» написана 1982 году, в 1984 ее автор был награжден Государственной премией СССР. О том, как возник ее замысел, Евтушенко расскажет намного позднее, в Казанском университете в 2004 г., следующее:

> В сентябре я был в Италии, выступал перед участниками Марша Мира. Протестуя против нейтронной и иных бомб, в колоннах шли крестьяне, молодежь, священники. И здесь я вспомнил о своей маме. Так родилась поэма «Мама и нейтронная бомба. (Евтушенко, цит. по Михайлова, 2004, I).

Однако публиковать поэму не решался никто. По воспоминаниям Г. Селезнева:

> В 1983 году, когда я уже работал в «Комсомольской правде», Евгений Александрович Евтушенко накануне своего отъезда в Штаты, что называется, Христа ради, принес нам поэму «Мама и нейтронная бомба» <...>. Пришел и говорит: «Может, вы решитесь?» И мы действительно рискнули. К печати поэму готовил мой заместитель Георгий Пряхин. В тексте был момент, который главлит ни за что не пропустил бы, а правку согласовать не с кем, поскольку Евтушенко уже уехал в Америку. В общем, надо было заменить одно не слишком литературное слово, практически матерное. В конце концов Пряхин на свой страх и риск внес правку, ничего,

> на мой взгляд, не испортив и не исказив. На следующий день о новой поэме Евтушенко говорили буквально все. А он возвращается и вместо благодарности поднимает скандал до небес. Напрочь забыл, что поэму вообще никто не брался публиковать <...> (Одноколенко: 2011, I).

В отличие от других произведений Е. Евтушенко данная поэма вызвала больше негативных оценок, как в свое время, так и у современных читателей.

> <...> в июльском номере журнала «Новый мир» за 1982 год будет опубликована пробольшевистская поэма Евтушенко «Мама и нейтронная бомба», которая окончательно подтвердит горькое резюме Бэллы Ахмадулиной: «От Жени ушло Слово». Павел Леонидов от себя добавит: «Теперь от него ушла Совесть» (Раззаков: 2011, 43).

В. Жигунов, говоря о качестве произведений, отмеченных Государственными премиями СССР в период застоя, отнес поэму «Мама и нейтронная бомба» к «слабым» и «трафаретным», отметив, что при всем усердии не мог ее дочитать (Кожинов 1988). Подобные оценки звучат и в наше время – «претенциозная поэма» (Хатюшин 1990:I), самого Евтушенко называют автором *километров сомнительных опусов вроде поэмы «Мама и нейтронная бомба»* (Стафьева 2003:I), к вышеприведенному можно добавить еще одно подобное мнение: «*словоблудия вроде дикой поэмы «Мама и нейтронная бомба», наверное, можно было бы избежать*» (Москвина: 2011, I).

На поэму сразу же навесили ярлыки, смыть которые тяжело: политическая, просоветская, прокоммунистическая, антиамериканская.

3.2 Время написания поэмы как мотивирующая среда

В мировой истории 1982 год был весьма непростым, он прошел под знаком многочисленных военных конфликтов и переворотов (Фолклендская война, экономические санкции против Аргентины, Ливанская война, война в Афганистане, военные перевороты в Гватемале и Бангладеш). Этот год связан с многочисленными демонстрациями и выступлениями против угрозы ядерной войны. Марш мира в Лиссабоне собрал 200 тысяч демонстрантов, высказавшихся против размещения ядерного оружия в Португалии. В Великобритании, в знак протеста против размещения американских ракет на

базе Гринем-Коммон, 20 тысяч женщин образовало живое кольцо протеста вокруг военной базы.

Этот год вписан в контекст десятилетия, когда активное обсуждение угрозы ядерной войны достигает своего накала. Середина 70-х годов в СССР и США – время модификации ракет и инновации способов их наведения. В истории т.н. «ядерной войны» 70-80-е годы связаны с понятием «подлетное время», его сокращение на пути ракеты к командному пункту противника должно было работать на поражение, противник должен быть поражен прежде, чем успеет принять решение об ответном ударе. В 1979 г. НАТО принимает решение о размещении американских ракет средней и меньшей дальности на территории стран Западной Европы. Переговоры между США и СССР по вопросу размещения и использования ядерного оружия заходят в тупик. В 1981 г. США начинают производство нейтронного оружия, что еще больше нагнетает обстановку в мире. В этом контексте появление художественных произведений, реагирующих на актуальнейшую проблему, можно рассматривать как закономерность.

3.3 Символика времени

3.3.1 Концентрат символики эпохи

«Мама и нейтронная бомба» – поэма автобиографичная, уже с первых слов автор приближается к читателю, подкупая современника общим, знакомым каждому читателю, если не по собственному опыту, так по советским фильмам, контекстом и символами – ***комсомол, красная косынка, кожаная куртка, картошка***.

Моя мама была комсомолочкой
в красной косынке
и кожаной куртке.
Теперь этой курткой,
облупленной,
в трещинах и морщинах,
мать иногда
закутывает кастрюлю,
в которой томится картошка
или пшенная каша <…>.

В самое начало произведения, в его первую часть, Евтушенко удалось вложить очень многое – это своеобразный концентрат, который автор будет

растворять постепенно, это палитра, с которой понемногу будет брать краски для создания полотна каждой отдельной главы.

Первая глава – концентрат символики целой эпохи: от революции до «наших дней» (времени написания поэмы – 1982 г.). В нескольких строках отражен круговорот символов 60-летнего периода, как символики Советского Союза, так и западное влияние. Дырка в маминой кожанке (*похожая на пулевую, от ввинченного когда-то и вывинченного затем значка*) видала в свое время значок МОПР (Международная организация помощи борцам революции), который потом сменил значок ABBA. Символичность и в том, что год написания поэмы является годом фактического распада группы ABBA, таким образом, авторское предвидение – неизбежность смены вех, ведущая к смене кумиров, – и в дырке гипотетической «кожанки» вновь окажется символ новой эпохи – соответствующий времени значок (*мамина внучка, дочка моей сестры, пятнадцатилетняя Маша <…> носит значок «Иисус Христос суперстар»*).

Далее следуют не менее важные символы – значимые реалии времени: ***пенсия – работа*** (*Моей маме <…> семьдесят два года. Мама вышла на пенсию, но продолжает работать)*. Мама работает в киоске, продает ***значки*** и ***газеты***. Среди газет каждый выберет свое: мясник – еженедельник «Футбол-хоккей», зеленщик – журнал «Америка», продавщица молочного магазина – журнал «Здоровье». И конечно, неименованный символ советского времени – ***дефицит*** и ***блат***: *Эти благодарные читатели оставляют для мамы в своих магазинах то мороженую курицу <…>, то пару кило апельсинов <…>, килограмм сыра <…>.*

Вторая глава представляет другой разряд символики, отношение к которой в России подверглось неоднократным изменениям в досоветское, советское и постсоветское время, один из этих трансформационных периодов как раз запечатлевает Евтушенко в данной поэме.

Мои взаимоотношения с Иисусом Христом
были сложными,
как у любого советского ребёнка,
воспитанного на книге «Павлик Морозов».
В церкви я не ходил -
это не полагалось,
и креста не носил -
это не было модно.

Тема **Бога** проходит через всю поэму (*Христа я впервые увидел не в церкви – в избе. Это было в Сибири году в сорок первом*). Окрашиваясь национальными коннотатами и историческими реалиями, она представляет собой одну из основных линий произведения (в силу ее обширности данная тема станет предметом анализа отдельной статьи).

3.3.2 Комсомол

Комсомол, как таковой, автор в поэме не раскрывает и не пропагандирует. Комсомол представлен как символ эпохи, связанной с мамой автора, которая также как все, в ее и в более позднее советское время, вплоть до распада СССР, были комсомольцами. Коммунистический союз молодежи, позднее ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) был образован после революции, в 1918 году и постепенно был превращен партией в обязательный атрибут каждого школьника (пионеры – смена комсомольцев, комсомольцы – смена коммунистов). В начальный советский период эта тема была весьма популярна в творчестве (литературе, песне, плакате, кино), была у всех на устах, т.к. комсомольская идея по своей сути – гуманистический призыв реформировать страну. Ее озвучил В. Маяковский.

На классовом фронте
ширятся стычки, -
враг наступает
и скрыто
и голо.
Комсомолия,
готовься к перекличке
боевой
готовности
комсомола.
Обыватель
вылазит
из норы кротовой,
готовится
махровой розой расцвесть.
Товарищи,
а вы
к отпору готовы?
Отвечай, комсомолец:
«Готово!
Есть!» (Маяковский, 1929 г.)

С момента образования ВЛКСМ одной из его важнейших задач была ликвидация безграмотности, позднее эта цель переродилась в официоз, – когда образование встало на ноги, комсомол остался при нем для дальнейшей идеологической «работы». Если в начальный период существования ВЛКСМ многие, входившие в его ряды, свято верили в политические идеи (*Если тебе комсомолец имя – имя крепи делами своими!*), то в 80-е годы каждый школьник понимал, что нельзя не вступить в комсомол. Если хочешь закончить школу – дорога к аттестату зрелости лежит через комсомол.

В поэме нет пропаганды комсомола, есть лишь констатация факта «*моя мама была комсомолочкой*», а мама (и ее атрибуты) как образ конкретный, но одновременно и глобально обобщенный и символический, отражает лишь отдельную реалию эпохи.

3.3.3 Красная косынка

Красная косынка, также как и другие символы коммунизма – источник социальной информации и знак групповой принадлежности, презентация статуса ее обладательницы.

Головной убор, будь то *косынка* (косой платок), *платок* или *шаль* в русской культуре – древний многозначный символ. Платком покрывали голову замужние женщины, с непокрытой головой представительница женского пола и сегодня не может входить в церковь. Косынка – обязательная «рабочая одежда», обеспечивающая безопасность производственного процесса.

С одной стороны, женщина советской эпохи меняет *платок* (символ обязанности) на более легкую *косынку* – треугольную, как и пионерский галстук (красная шейная косынка), их три конца воспринимаются как символ единства и связи трех идейных поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров. Люди религиозные часто трактуют всю коммунистическую символику как сатанинскую, включая галстук – красный треугольник, обращенный вершиной вниз, есть символ сатанинской троицы.

Косынка как головной убор не является новшеством советский эпохи, но советское время подчеркивает знаковость косынки ее цветом. Красный цвет – цвет силы и энергии, также это цвет крови. В советской России красный цвет – символ революции. В ту эпоху все, что звучало в унисон с режимом, должно было быть красным*: красная армия, красные спецы, красный архитектурный стиль*, *красные гвоздики*. Красный цвет в ранний советский

период подчеркивал идею борьбы за коммунистические принципы и единство вышеназванных идейных поколений (пионерский галстук: «*Он ведь с красным знаменем цвета одного*»). Красная косынка и кожаная куртка в революционную эпоху стали символами борьбы с мещанством. Мещанство как знак отживающего мира связывали прежде всего с одеждой и внешним видом. Мещан высмеивали (домашний уют, косметика, маникюр, украшения, шуба, у мужчин – галстук, костюм), уходящая «мещанская эпоха» сменялась новой, ее символами стали женщина-активистка в красной косынке и мужчина в кожанке.

3.3.4 Кожаная куртка

Кожаная куртка (кожанка) также, как красная косынка, – спутник революции. Кожанка относится к элементам специфичной знаковой системы, она символ, делящий мир на «своих» и «чужих», и не только в эпоху русской революции.

Мой отец
Александр Рудольфович Гангнус
не носил никакой комсомольской кожанки
и более того -
вызывающе носил галстук,
являвшийся,
по мнению общественности,
буржуазной отрыжкой,
за что был однажды чуть не исключён
из Геологоразведочного института.<…>

После революции кожанка становится своеобразной униформой, одеждой стиля унисекс, ее носят и мужчины и женщины, она символизирует равенство, единство. Кожаная куртка надолго, до конца советского периода задержится в семиосфере советской жизни. Как символ уже иного единства ее носили «новые русские» в конце XX века. Она стала неотъемлемым элементом многих субкультур (байкеры, рок-н-роллщики, любители тяжелого рока (металла)), которые с советскими идеями не имели ничего общего.

В восприятии иностранцев в конце XX века кожанка превратилась в «русский» символ, многие русские туристы ехали посмотреть Запад и «себя показать» в кожаных куртках.

Примарный символ кожи, идущий из древности – это сила и защита. Можно согласиться с тем, что «*кожаная куртка не имеет законов времени, да и мода ей, собственно, нипочем – важна лишь энергия кожи и руки тех, кто эту куртку делает*» (Черный, 2012, I). А также тех, кто ее носит.

Цветовая гамма кожанки в советскую эпоху однозначна – черный цвет. Обычно его характеризуют как цвет скрытой власти и силы. Наряду с красным, черный был одним из популярных в копилке советской символики: черная «Волга», черный «воронок» или «ЭМКА» (*По воскресеньям дед приезжал на «эмке» – на персональной машине, тогда еще редкой*).

3.3.5 Картошка

Теперь этой курткой,
облупленной,
в трещинах и морщинах,
мать иногда
закутывает кастрюлю,
в которой томится картошка
или пшенная каша,

Дефицит товаров в СССР и небольшие зарплаты учили людей выживать на самых дешевых товарах: картошка и пшенная каша. Позднее картошка в сознании советского человека стала символом советского неумелого хозяйствования и вошла в ассоциативную связь с понятием «советская обязаловка» (обязательные осенние выезды школьников и студентов на картошку).

В поэме «Мама и нейтронная бомба» картофель как символ распадается на два символических направления, что автор подчеркивается и употреблением разговорной формы – *картошка* вместо *картофель*. При сохранении первого, вышеприведенного значения (продукт как символ выживания и продукт как символ неумелого хозяйствования), в одну из последних частей поэмы автор вписывает новое значение – национальную атрибутику. Евтушенко отправляется искать родственников своего беларусского деда по линии матери, в далекую деревню Хомичи. Увиденное потрясает.

Мы вышли на поле,
и я увидел
копавших картошку детей и женщин,
а ещё я увидел -

впервые в жизни -
младенцев,
ещё ходить не умевших,
но по полю
ползающих
с пользой -
выгребая пальчиками картошку.

Картошка – национальный символ и главный атрибут пищевого рациона в Беларуси. В приведенном контексте для самого автора – это символ корней, генеалогической связи с теми, кого встретил на поле. Одновременно гиперболизированная подача уборки картофеля вполне сочетается и с современной ситуацией в Беларуси, картофель сажает и собирает каждый, кто может стоять на ногах (<…> *ко мне побежали женщины и поползли младенцы, все – с незабудочными явтушенковскими глазами, сжимая в руках картофелины, втрое больше их крошечных кулачков).*

3.3.6 Пенсия

Пенсия, как финансовое обеспечение в старости, была заведена в СССР в 1932 г., и была гарантирована тем, кто имел документы. Существовало два вида пенсий: (1) по возрасту на общих основаниях (пенсионный возраст для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет, при общем стаже работы не менее 25 и 20 лет соответственно), и (2) пенсия по возрасту при неполном стаже работы, также существовали пенсии льготные и персональные. Минимальный размер пенсии по возрасту на общих основаниях составлял 40 рублей, максимальный – 120 рублей, для сельских жителей – на 15% меньше. Максимальная пенсия сельчан составляла 102 рубля, минимальная – 34 рубля (Покров 2011: I).

Пенсионеры старались подрабатывать, т.к. мало кто получал максимальную пенсию (*Мама вышла на пенсию, но продолжает работать и только поэтому не умирает. Мама продаёт газеты в киоске у Рижского вокзала, и её окружает собственный маленький мир <…>).* Этот мир работы на пенсии и роскошь общения позволяли маме чувствовать себя «знатной леди социализма». И в прошлом остались былые заслуги, как и у миллионов других работающих пенсионеров.

Мама пела на фронте с грузовиков
и даже с «катюш»,
и танки, в бой уходя,

на броне увозили
серебристые блёстки с концертного платья мамы <…>.
После войны
моя мама
пела в фойе кинотеатра «Форум»
рядом с буфетом,
где победители Гитлера пили пиво,
обнимая девчонок в причёсках под юную Дину Дурбин,
но слушая сорванный голос
худой некрасивой певицы
и даже не подозревая,
что и она -
победитель.

3.3.7 Газеты

Мама автора работает в газетном киоске и продает *газеты* и *значки* (3.3.1). Печатное слово в советское время – еще один символ эпохи. Печатному слову верят, несмотря на то, что советский народ хорошо владеет практикой чтения между строк. Интересный пример дает читателю книга В. Буковского «И возвращается ветер…».

> Газета висит – свежая, а ну, чего ещё они там наврали? И ведь знает, что наврали, и противно читать, ан нет – станет, проглядит, чтобы душу растравить. <…> Нет, так уж устроен советский человек, что не может пройти мимо этого, отгородиться – как наркотик, как допинг нужно ему травить душу этим ядом» (Буковский, 2007: 69).

Газеты в поэме «Мама и нейтронная бомба» связаны с *мамой*. Первая глава выстраивает визуальный ряд: мама – газета – дефицит, следующие главы его расширяют: газета вчерашняя – сегодняшняя – завтрашняя – послезавтрашняя.

И я побежал.
Через Тибр перепрыгнул
и оказался в Москве у киоска, <…>
Я тихо сказал ей: «Одну «Вечёрку»...»
«Послезавтрашнюю?» -
спросила мама,
не поднимая усталых глаз
и голос мой не узнав из-за шума.
Я оторопел.

Мне порой давали
в редакциях завтрашние газеты,
но послезавтрашние -
никогда.
Я потоптался.
Сказал: «Не надо...
Лучше вчерашнюю, если можно...»
И мама вздохнула грустно и горько:
«Никто послезавтрашних не берёт...»
И я побежал от мамы,
от страха
взглянуть в послезавтрашние газеты<...>.

Газета обретает новые коннотативные значения, выступает как символ, опережающий время. В рамках основной темы – ядерной угрозы, будущее – как послезавтра кажется устрашающим: «*мама раскладывала газеты, как будто бы свой ежедневный пасьянс*». Страшно заглянуть в послезавтра, если его может не быть...

3.3.8 Дефицит и блат

«Достать» – ключевое слово советской эпохи.

Большинство символов, представленных в поэме Е. Евтушенко, даны в неразрывной связи с образом *мамы* (**3.3.1**). Выполняя свою социальную роль –продавца в киоске, она (*знатная леди социализма*), связана взаимными услугами со своими покупателями, поэтому она *говорит «мой мясник», «мой зеленщик», «моя молочница» и с гордостью чувствует, что от нее зависят люди, от которых зависит она.* Но другая, «не ее» торговая сфера, повергает ее в отчаяние. Вернувшись из магазина обоев, где в очереди ей оборвали пуговицы, она произносит: *«Боже, до чего доводит жадность к вещам. Из-за этого, наверно, и придумали нейтронную бомбу...».*

3.3.9 Мама. Символические связи.

Мама, как образ конкретный и одновременно обобщенный, предлагает различные мотивы интерпретации, назовем лишь некоторые:

образ Родины: *Мама выиграла Отечественную войну. Мама пела на фронте* <…>;

обобщенный образ послевоенной матери-одиночки, создававшей новый мир своими руками, растившей детей и зарабатывавшей всеми возможными способами на семью: *Мама стала работать в Мосэстраде администратором детского отдела, волоча на себе меня и сестрёнку; Мама брала домой работу налево и переписывала рапортички концертов, где проставляла фамилии авторов <…>;*

социальные общественные функции: *Когда-то мама была активисткой Союза воинствующих безбожников;*

истории пережитого*: Дома мама сняла свой парик морковного цвета, и ее голова, обритая после тифа, стала совсем беззащитной, как голова молоденького солдата, когда он снимает свою ненадёжную каску.*

память семьи – стремление к выживанию в любых условиях: *мама неподдающуюся коробку, и соскользнули с её ладони медали Отечественной войны, звякнув о мой ненадёванный крестик. Наши реликвии в этой коробке соединились, как в братской могиле.*

фронтовая дружба, братство и взаимопомощь: *Мама крутила начинку для сибирских пельменей из мяса, принесённого Серым Волком. Баба-Яга толкла в ступке грецкие орехи для сациви. Василиса Прекрасная мечтательно делала фаршированную рыбу <…>. А одна жонглёрша – по происхождению китаянка – делала что-то из чего-то, не похожего ни на что, и всё это вместе ставилось на общую скатерть. Это было как международные съёзды пролетариата ёлок, работающего для детей, включая детей нон грата.*

3.4 Особенности авторской интерпретации жанра поэмы

3.4.1 Поэма как жанр

Поэму относят к лирическим жанрам, и прежде всего к жанрам поэтическим. Это лирическое произведение, которое отражает чувства героя в более конкретной форме, чем стихи, одновременно значительная роль в поэме отведена лирическим отступлениям и описаниям, в поэзии им в целом отдается больше места, чем в прозе.

> «Как правило, это межродовое творческое образование. Обычно поэму называют лироэпическим произведением, где одинаковы доля эпического (то есть сюжетного,

событийного) и лирического (то есть медитативного, размышляющего) рода» (Николаев, 2004: I).

Поэма как жанр в русской литературе активизируется и продолжает свое формирование в творчестве романтиков. Как правило, в сюжете романтической поэмы обязательна тема любви. Действие романтической поэмы развивается вокруг одного события и характеризуется т.н. «вершинной композицией», события раскрывают характер главного героя и определяют его дальнейшую судьбу –чаще всего трагическую участь (Федоров 2007:1).

Трансформирование жанра поэмы можно охарактеризовать как непрерывный процесс, реагирующий на условности времени. Определенный всплеск этого жанра в России пришелся на советское время: А. Блок «Двенадцать», М. Цветаева – «Несбывшаяся поэма», «Поэма горы», «Поэма конца», В. Маяковский «Про это», С. Есенин «Анна Снегина», «Русь уходящая», «Поэма о 36».

Иную направленность приобретает жанр поэмы в военный период, наряду с воспеванием героизма, поэма включает новые подходы – философский элемент и аналитическое осмысление: А. Твардовский «Василий Теркин», О. Берггольц «Ленинградская поэма», П. Антокольский «Сын».

Большой популярностью этот литературный жанр пользуется и в послевоенное время, что во многом было обусловлено задачами советской литературы – воспевание героев войны, позднее к этой теме примыкает воспевание героев труда. Поэма советского времени обогащает жанр актуальными для того времени приемом–документализмом подачи материала, реальность в поэзии проступает фактами.

Необходимо заметить, что поэма, как жанр, на своем долгом пути развития – от эпоса в начальный период своего рождения, пройдя этап романтический и позднее героический, уже к середине XX века превращается в синтезирующий жанр, использующий элементы различных литературных жанров. В творчестве Е. Евтушенко поэма приобретает черты масштабности, всеобъемности, глобальности описываемых событий: «*Площадь была похожа на эту поэму, или поэма стала похожей на площадь? Всё вместе не складывалось, не рифмовалось, не находило общего ритма. Всё разваливалось. Не было клея соединительного... И вдруг...*».

3.4.2 Жанровые особенности поэмы «Мама и нейтронная бомба»

Поэма Е. Евтушенко «Мама и нейтронная бомба» – пример многомерного культурологического синтеза тем и литературно-художественных приемов. Данное произведение своей композицией приближается «гибридному» музыкальному жанру – симфонии – произведению для оркестра. Классическая симфония состоит из четырех частей, по своей структуре и последовательности внутренне контрастных, но объединенных общей идеей. Каждая часть развивает самостоятельную тему, единство частей обеспечивается тональными сопоставлениями и чередованием темпов.

У Евтушенко единство тематических линий создается благодаря широте обобщений, глобальности поднятой темы, масштабы которой объединяют не только жителей СССР, но в полной мере затрагивают жителя каждой страны.

Основная тематическая доминанта – ядерная угроза. Угроза уничтожения человечества – тема-кокон, в которую вложены остальные; кокон, который может закрыться, уничтожив в один момент все содержимое. Подача «внутреннего» содержимого характеризуется цикличностью. В контекст «кокона» вплетены более мелкие нити – судьбы отдельных людей. Представлен биографический ракурс – Я (Евтушенко) и мать, плотно «упакованный» в контекст своего времени и неразрывно связанный с его символикой (**3.3**). Отдельный ракурс – религиозный, расчлененный надвое: (1) Я и бог и (2) отношение а богу в истории страны. Эхом генетической памяти вписана генеалогия, точнее одна из генеалогический ветвей автора – проникновенная история встречи со своими родственниками.

Симфонии обычно предназначены для большого оркестра смешанного состава – именно этим большим составом исполнителей отличается поэма «Мама и нейтронная бомба», как и в симфонии, в поэме присутствует своеобразный «хор» и сольные вокальные голоса.

И заплакала бабка Ганна,
и заплакала бабка Евга,
и заплакали все шестьдесят Явтушенок,
и заплакал спасённый бабкой от деда Ярмолы
измождённый Христос на иконе,
похожий
на белоруса из поэмы Некрасова «Железная дорога».

Формальная доминанта – угроза нейтронной бомбы расставляет акценты на все присутствующие в поэме символы и обусловливает возможность их различной интерпретации (сегодня – завтра – вчера).

Заключение

Поэма Е. Евтушенко «Мама и нейтронная бомба» идейно тесно связана со временем своего возникновения. Ее можно рассматривать и как очередную ступень в эволюции самого автора: *«Я пережил сложную эволюцию века, менялся вместе со временем, но это было не хамелеонство, а настоящая трансформация мировоззрения»*. (Евтушенко, цит. по Гордон – Кириндясов:I).

Мировоззрение формируется всегда под влиянием целого комплекса факторов, одним из которых является литература, рассматриваемая нами как культурологический текст. Ее знание обусловливает восприятие национальной культуры в целом и оценку современности. По мнению Е. Евтушенко, сегодня необходимо *поднимать культуру, развивать вкус*.

> «Есть базовые книги, которые нельзя не читать. Точно так же есть базовые фильмы, которые нельзя не смотреть <…>. Молодые люди сейчас могут прочесть столько исторических материалов, но почему-то не читают и не хотят ничего знать. А это страшно тем, что некоторые преступления человечества могут повториться» (Евтушенко, цит. по Малахова: 2012, I).

Рассмотренная поэма, к которой изначально был прикреплен ярлык политической, по-разному воспринимается в контексте рассмотренных нами диахронных рамок:

(1) время написания – XX век : время прочтения XX век и

(2) время написания – XX век : время прочтения XXI век.

Время возникновения поэмы – время накала политических страстей, время угрозы ядерного уничтожения человечества, время противостояния двух держав – СССР и США. В этом контексте возникают ярлыки *прокоммунистическая, просоветская, антиамериканская* поэма.

Однако прочтение поэмы в новом веке, спустя тридцать лет после ее возникновения, открывает новый ракурс: тематическая доминанта – гуманизм, опасения за судьбу человечества, выступление против ядерного оружия,

отнюдь не пропаганда каких-либо политических идей. Весьма значительна тема религии и места Христа, она, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

В поэме присутствуют символы, отражающие мировосприятие целой эпохи. Они отражают преемственность поколений и дальнейшую индивидуализацию младшего поколения. Представленная символика во многом связана со старшим поколением, отражает время революции и начального этапа советского строительства – с ним в поэме связан образ матери поэта. Этот архетипичный образ как бы вращается между изменяющимися символами и ценностями, отражает постепенную смену приоритетов.

Bibliografija

Amfiteatrov, A. V. O neudachnom# pokolѣnii. Zhitejskaja nakip'. SPb: Tovarishhestvo «Obshhestvennaja pol'za», 1903.

Afanas'ev, Ju. Shestidesjatniki: itogi bezdumnogo puti. Zhurnal «Gefter», 2011.

Bukovskij, V. I vozvrashhaetsja veter… SPb.: Zaharov, 2007.

Burtin, Ju. Ispoved' shestidesjatnika. «Shestidesjatniki» pered sudom sovremennogo konformizma. 1997 g. [Jelektronnyj resurs] – URL: http://www.burtin.ru/ispoved.htm.

Gordon, D., Kirindjasov, G. Geroi smutnogo vremeni. Evgenij EVTUShENKO: «Zheleznyj Feliks v pyl' podvalov tychetsja. Ja jetomu nemnozhechko pomog...». [Jelektronnyj resurs] Dmitrij Gordon. Oficial'nyj sajt. – URL: http://www.gordon.com.ua/books/heroes/yevtushenko/view_print/.

Dedjuhova, I. Shestidesjatnikam posvjashhaetsja… [Jelektronnyj resurs] Obshhestvenno-politicheskij portal, blog Ogurcova na linii. – URL: http://ogurcova.ru/essay/60s.html.

Evtushenko, E. A. Mama i nejtronnaja bomba i drugie pojemy. Moskva: Sovetskij pisatel', 1986.

Erofeev, V. Evtushenko – simvol osvobozhdenija strany ot totalitarizma. [Jelektronnyj resurs] Izvestija (18. 07. 2013). – URL: http://izvestia.ru/news/553918#ixzz2tsqDUdvN.

Zolotonosov, M. Shestidesjatniki. Evgenij Evtushenko. Bol'she, chem pojet. [Jelektronnyj resurs] Ezhenedel'nik «Delo» (9. 10. 2006). – URL: http://www.idelo.ru/436/20.html.

Ivanova, N. Nostal'jashhee. [Jelektronnyj resurs] Russkij zhurnal, 1990. – URL: http://magazines.russ.ru:81/znamia/dom/ivanova/ivano004.html.

Kalita, I. V. Pokolencheskaja identichnost' (Novaja literatura na perekrestke sovremennosti). North American, European and Russian literature: modern problems of study. CIBUNET Publishing Monograph Series No. 2, Ed. by M. Asper. – New York, CIBUNET Publishing, 2013. S. 3-22.

Kozhinov, V. Vstrechnoe «chuvstvo vozmushhennogo nedoumenija». [Jelektronnyj resurs] Literaturnaja gazeta (20. 01. 1988). – URL: http://www.odin-fakt.ru/vysockii/vstrechnoe_chuvstvo_vozmush/.

Kravcova, O. «Ja-MY-NAROD» v lirike E. A. Evtushenko. [Jelektronnyj resurs] Setevaja slovesnost'. (21. 07.2012).– URL: http://www.netslova.ru/kravtzova/evtushenko-ymn.html.

Kravcova, O. Evgenij Evtushenko: «Social'nyj tip» sovetskogo cheloveka. Model' «chelovek/socium». [Jelektronnyj resurs] Setevaja slovesnost'. (21.12.2012).– URL: http://www.netslova.ru/kravtzova/evtushenko-st.html.

Malahova, N. Russkaja missija v Amerike. [Jelektronnyj resurs] Minskij kur'er (6. 01. 2012). – URL: http://mk.by/2012/01/06/52577/.

Majakovskij, V. V. Lozungi k komsomol'skoj pereklichke. Gotov'sja! Cel'sja! Polnoe sobranie sochinenij v trinadcati tomah. Tom 10. Stihotvorenija 1929-1930. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958.

Mihajlova, Je.Spasibo, steny goroda Kazani za to, chto vy mne stol'ko rasskazali. [Jelektronnyj resurs] Kazanskie istorii, №22-23, 2004. – URL: http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/vspomnim-byloe/14555-rossiya-mne-raskrylas-v-tebe-kazanskij-universitet.

Mokrushina, A. V. Jevoljucija pojeticheskih zhanrov v jepohu Romantizma. Filologija i lingvistika: problemy i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Cheljabinsk, 2011). Cheljabinsk: Dva komsomol'ca, 2011, S. 37-40.

Moskvina, T.Gost' iz proshlogo. Evgenij Evtushenko. [Jelektronnyj resurs] Newsland (04. 08. 2011). – URL: http://newsland.com/news/detail/id/752919/.

Nikolaev, I.A. Slovar' po literaturovedeniju. [Jelektronnyj resurs] – URL: http://nature.web.ru/litera/.

Novodvorskaja, V. Pojet na dogovore. Valerija Novodvorskaja o Evgenii Evtushenko[Jelektronnyj resurs] Muzhskoj zhurnal dlja chtenija Medved' (25.04.2012).– URL: http://www.medved-magazine.ru/articles/Valeriya_Novodvorskaya_O_Evgenii_Evtushenko.1171.html.

Odnokolenko, O. Parlamentarij. [Jelektronnyj resurs] Itogi №16/775 (18.04.11). – URL: http://www.itogi.ru/nashe/2011/16/164075.html.

Pokrov, D. Sub#ektivnyj vzgljad na mir. [Jelektronnyj resurs] Zhurnal Dm. Pokrova. – URL: http://dmpokrov.livejournal.com/256006.html.

Popov, V. Krov'–edinstvennye chernila. Zvezda, 1994, №3, S. 141.

Prishhepa, V. P. Rossijskogo Otechestva pojet (E. A. Evtushenko: 1965-1995 gg.). Abakan: Izdatel'stvo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova, 1996.

Radzihovskij, L. Vzroslye deti molodyh ljudej. Shestidesjatniki i ih nasledniki. Iskusstvo kino. №3, 2006. [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://kinoart.ru/archive/2006/03/n3-article2.

Razzakov, F. Vladimir Vysockij: Ja, konechno, vernus'… Moskva: JeKSMO, 2011.

Rassadin, S. MY, Ja I EVTUShENKO. [Jelektronnyj resurs] Novaja gazeta (23. 10. 2000). – URL: http://2000.novayagazeta.ru/nomer/2000/58n/n58n-s29.shtml.

Ratner, A. Evgenij Evtushenko «Tysjachelik, ot lic v nego voshedshih…». [Jelektronnyj resurs] Al'manah «45-ja parallel'» – URL: http://www.45parallel.net/evgeniy_evtushenko/.

Ritcer, Dzh. Makdonal'dizacija obshhestva 5. Per. A. Lazareva.Moskva: Praksis, 2011.

Saburova, T. Kollektivnaja avtobiografija: 'pokolenie 1880-h' v vospominanijah i perepiske A.V. Amfiteatrova. [Jelektronnyjresurs] AvtobiografiJa № 1, 2012, S. 145-165. – URL: http://www.padovauniversitypress.it/riviste/avtobiografija/sites/all/attachments/papers/01-2012-09-Saburova.pdf.

Sidorov, E. Golosom vremeni (zametki o pojezii E. Evtushenko). Evtushenko E. A. Sobranie sochinenij v 3-h tomah. T. 1. Moskva: Hudodestvennaja literatura, 1983.

Staf'eva, E. Pojet v Rossii. [Jelektronnyj resurs] Ezhenedel'nyj zhurnal №079 (22. 07. 2003). – URL: http://supernew.ej.ru/079/life/profile/01/index.html.

Uspenskij, B. A. Semiotika iskusstva. Moskva, 1995, S. 221-303.

Uspenskij, B. A. Izbrannye trudy Tom 1 Semiotika istorii. Semiotika kul'tury Moskva: Gnozis, 1994. [Jelektronnyj resurs] – URL: http://www.scribd.com/doc/176543539/B-A-USPENSKIJ-Izbrannye-trudy-Tom-1

Falikov, I. Evtushenko. Love story. // [Jelektronnyj resurs] «Druzhba Narodov» №7 2013. – URL: http://magazines.russ.ru/druzhba/2013/7/11f.html.

Fedorov, A.V. Vvedenie v literaturovedenie. Moskva: Oniks, 2007. [Jelektronnyj resurs] – URL: http://www.a4format.ru/pdf_files_slovari/4b9e87dc.pdf.

Jeko, U. Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju. Sankt-Peterburg: TOO TK «Petropolis», 1998.

Jenciklopedija «Literatura i jazyk». Moskva: Rosmjen-Press, 2006.

Hatjushin, V. Put' izmeny. [Jelektronnyj resurs] Izba chital'nja. 1990. – URL: http://www.chitalnya.ru/work/1930/.

Horina, O. N. Evgenij Evtushenko. Osobennosti pojeticheskogo mirovozzrenija. Rol' lichnosti v istorii: real'nost' i problemy izuchenija: nauch. sb. Minsk: BGU, 2011. – S. 81–84.

Chernyj, G. Kozhanaja kurtka. [Jelektronnyj resurs] – URL: http://www.olegcherne.ru/statyi/153-kozhanaya-kurtka/.